

Из комментария к «Медному всаднику» (1)

Александр Осоват (Москва – Лос Анджелес)

Предметом нашего рассмотрения являются стихи 39–42 (Вступление):

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою Царицей
Порфиносная вдова.¹

После того как в начале декабря 1833 г. этот фрагмент был вычеркнут из представленного Николаю I автографа «Медного всадника» (МВ)², автор счел нужным воспроизвести его в своем дневнике (XII: 317), а через год специально записал для А.И. Тургенева³. Летом же 1836 г., начав исправлять текст МВ по замечаниям императора, Пушкин пожелал (или успел) изменить в данном месте лишь стих 40 (вернувшись к ранее отброшенному варианту: *Главой склонилась Москва*; V: 488), и – по стечению обстоятельств⁴ – в такой редакции оно увидело свет при посмертной публикации «петербургской повести» в «Современнике» (1837. Т. V. С. 3).

В контексте Вступления интересующий нас катрен выглядит достаточно автономным. Его функциональное сходство с репликой *a part* усиливается тем, что здесь автор проецирует антитезу двух русских столиц на семейные отношения членов императорской фамилии, – т.е. совершает шаг, по своей бесцеремонности (если не сказать – бестактности) не имеющий аналогов в его творческой практике 1830-х гг.

---

¹ Пушкин. Полн. собр. соч.: В 16 т. [Л.,] 1948. Т. V. С. 136. (В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием римской цифрой номера тома и арабской – страницы.) Здесь и далее восстанавливается пушкинское написание лексемы Царица с прописной буквы.

² См.: Медный всадник: Петербургская повесть А.С. Пушкина /Ред. текста и статья П.Е. Щеголева. СПб., 1923. С. 66; Зенгер Т. Николай I – редактор Пушкина //Литературное наследство. М., 1934. Т.16/18. С. 522–523.

³ См.: Гиллельсон М.И. Пушкин в дневнике А.И. Тургенева 1831–1835 годов //Русская литература. 1964. № 1. С. 133; А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 171, 433.

⁴ См. Осоват А.Л., Тименчик Р.Д. «Печальну повесть сохранить...»: Об авторе и читателях «Медного всадника». М., 1987. Изд. 2-е. С. 73–77.

Как известно, со времени основания Петербурга и до момента написания МВ статусом вдовствующей императрицы обладали всего две особы – Мария Федоровна (1759–1828), супруга Павла I, которая более четверти века именовалась также «l'Impératrice-Mère», и Елизавета Алексеевна (1779–1826), супруга Александра I, пережившая его менее чем на полгода. На сцене александровской эпохи наблюдалась картина, совершенно противоположная той, что нарисована Пушкиным: на роль первой дамы августейшего семейства была утверждена не Елизавета Алексеевна, но Мария Федоровна, причем, на взгляд очевидцев, «царствующая императрица <...> с любовью уступала первенствующее место вдовствующей государыне»⁵. В недолгие же месяцы, отпущенные вдове Александра I, она со второго плана отошла на совсем дальний; Елизавета Алексеевна умерла 4 мая 1826 г. в уездном городе Белеве, так и не встретившись ни со свекровью (ехавшей к ней навстречу из Москвы), ни с невесткой Александрой Федоровной – женой нового императора. Только в последние годы жизни Марии Федоровны, когда Николай I, оставаясь почтительным сыном, тем не менее лишил ее исключительных привилегий⁶, сложилась ситуация, которую в определенных кругах могли отразить под знаком противопоставления *новой царицы и порфиноносной вдовы*⁷. Расшифровка этой аллюзии подсказывалась и отсылкой к стихотворению Д.И. Хвостова «На кончину императрицы Марии Феодоровны, 1828 года Октября 24 дня»: «Порфиноносную кто мать зря / Неустрашимого в душе Царя, / Кто тяжкую с ним не разделит рану...»⁸

Ассоциативная связь между *порфиноносной вдовой и старой Москвой* формировалась в нескольких контекстах. Один из них окружает незавершенную статью 1833–1834 г. <«Путешествие из Москвы в Петербург»>, которой Пушкин подключался к дискуссии о двух русских

---

⁵ Дараган П.М. Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Феодоровны //Русская старина. 1875. № 5. С. 16.

⁶ Подробнее см.: Самовер Н.В. Закат императрицы (Из истории борьбы Николая I за укрепление своей власти в первые месяцы царствования) //14 декабря 1825 года: Источники; Исследования; Историография; Библиография. СПб., 2005. Вып. VII. С. 388–408.

⁷ Из пушкинистов первым, кажется, прочитал стихи 39–42 МВ под таким углом зрения П.И. Бартенев (см. Русский архив. 1907. Кн. II. С. 138).

⁸ Стихотворения графа Хвостова. СПб., 1830. Т. 5. С. 28.

столицах, имевшей к тому времени уже давнюю историю⁹. Полемический оттенок соответствующих пушкинских деклараций уточняется при сопоставлении с финальным фрагментом «Записки о московских достопамятностях» Карамзина (1817). Ср., в частности :

В заключение скажем, что Москва будет всегда истинною столицею России. Там средоточие Царства, всех движений торговли, промышленности, ума гражданского. <...>

Здесь <в Москве> сцена, там <в Петербурге> зрители; здесь действуют, там судят <...>. Глас народа, глас Божий: а в Москве более народа, нежели в Петербурге.¹⁰

Упадок Москвы есть неминуемое следствие возвышения Петербурга. Две столицы не могут в равной степени процветать в одном и том же государстве, как два сердца не существуют в сердце человеческом. <...>

Ныне нет в Москве мнения народного, ныне бедствия или слава отечества не отзываются в этом сердце России... (XI: 247, 482).

Свое концептуальное руководство по осмотру московских древностей Карамзин назначил в исключительную собственность вдовствующей императрице Марии Федоровне, располагавшей, вместе со всей августейшей фамилией, провести зиму 1817–1818 г. в первопрестольной. Несанкционированная публикация «Записки», осуществленная В.Н. Каразиным (по одному из разошедшихся списков) в майском и июньском номерах «Украинского вестника» за 1818 г.¹¹, стала для автора неприятной неожиданностью; вскоре, произведя некоторые сокращения (не затронувшие цитированного фрагмента), он ввел этот текст в состав третьего издания своих «Сочинений» (СПб., 1820. Т. 9). Экземпляр данного издания сохранился в библиотеке Пушкина¹², которому

⁹ См. прежде всего: Вацура В.Э. Пушкин и проблемы бытописания в начале 1830-х годов // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1969. Т. VI. С. 160–167.

¹⁰ Сочинения Карамзина. СПб., 1848. Т. 1. С. 446.

¹¹ Об этом эпизоде и о журнальной полемике, спровоцированной появлением карамзинской «Записки» в «Украинском вестнике», см.: Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями М. Погодина. М., 1866. Ч. II. С. 230–232; Афиани В.Ю. Путеводитель для императрицы // Наше наследие. 1991. № VI (24). С. 36–38. (Перепечатывая в этом журнале «Записку о московских достопамятностях» по изданию 1820 г., В.Ю. Афиани приводит основные разночтения с текстом «Украинского вестника».)

¹² См.: Модзалевский Б.Л. Библиотека Пушкина (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 48–49 (№ 178).

несомненно было известен адресат и обстоятельства возникновения «Записки о московских достопамятностях»¹³.

В перечне «древнейших монастырей», рекомендованных Карамзиным вниманию Марии Федоровны, фигурирует и Новодевичий, где похоронены дочь Ивана Грозного, три дочери Алексея Михайловича (включая Софью, «умершую схимницею в слезах, но без раскаяния»), а также

Евдокия Феодоровна Лопухина, бабка Петра II, в сане Царицы лишенная чести супругом Петром Великим, и в монашестве честимая как Царица юным внуком своим¹⁴.

Фигура Евдокии (1669–1731; в 1698 г. пострижена, в 1725 г. переведена Екатериной I в Шлиссельбург, с 1727 г. – на жительство в московских Новодевичьем и Воскресенском монастырях) также вызывает ассоциацию с *порфиросной вдовой*, померкшей перед *новою Царицей*. Тем самым в фольклорный субстрат МВ втягивается приписывавшееся Евдокии Федоровне заклятие: «Питербурх не устоит за нами: “Быть-де ему пусто”»; циркулировавшее в разных версиях («Петербурху пустеть быть» и др.)¹⁵, оно отзывается мотиву пустого /опустошенного пространства, проходящему через весь текст МВ – от первого стиха (*На берегу пустынных волн*) до финальных (... *Пустынный остров <...> Был он пуст...*).

Связь *порфиросной вдовы* и *старой Москвы* имплицитно еще одна ипостась царицы Евдокии, – вдова при живом муже. После работ В.Н. Топорова¹⁶ принято считать, что пушкинское уподобление

---

¹³ Подробную информацию на этот счет Пушкин мог получить от Вяземского и Дмитриева, с которыми Карамзин переписывался по поводу своей «Записки» в 1817–1818 гг. (см.: Письма Н.М. Карамзина к князю П.А. Вяземскому. СПб., 1897. С. 37; Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 221 *passim*). Вяземский располагал и копией «Записки» (см. Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848) /Изд. подготовила В.С. Нечаева. М., 1963. С. 410. Примеч.)

¹⁴ Сочинения Карамзина. Т. 1. С. 438.

¹⁵ Печатные фиксации этой формулы появляются начиная с 1859 г. (см. Кумпан К.А., Конечный А.М. Комментарий к факсимильной части <книг Н.П. Анцыферова «Душа Петербурга», «Петербург Достоевского», «Быль и миф Петербурга»>. М., 1991. С.26–27).

¹⁶ См. Топоров В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы (введение в тему) //Труды по знаковым системам. Тарту. 1984. Т. 18. С. 7. Примеч.6; Его же. «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения. М., 1995. С. 222. Примеч. 49.

вторит риторическому приему, использованному в «Бедной Лизе»:

Все сие обновляет в моей памяти историю нашего отечества – печальную историю тех времен, когда свирепые Татары и Литовцы огнем и мечом опустошали окрестности Российской столицы, и когда несчастная Москва, как незащитная вдовица, от одного Бога ожидала помощи в лютых своих бедствиях¹⁷.

Аналогичную метафору (возможно, с опорой на Карамзина) встречаем и в трагедии Хераскова «Освобожденная Москва» (действ. I, явл. 7; монолог князя Пожарского):

Когда в Московские достигнул я пределы
Изобразились мне опустошены селы;
Вдовицей плачущей явилась мне Москва,
Пустыней сделала селения Литва¹⁸.

Современники, однако, не могли познакомиться с эссе М.М. Щербатова «Прошение Москвы о забвении ея» (1787; первая публикация – 1860), которое представило полный очерк истории «союза брачного» между первопрестольной и русским царем. Согласно Щербатову, период первобрачия завершился со смертью Федора Иоанновича; затем, пребывая «в заблуждении», но невинная сердцем, Москва искала царственного мужа в Борисе Годунове, в Самозванце, Шуйском и «сыне Сигизмундове»; когда же «любезные дети» избавили ее от «ига вражеского», она возвела на престол Михаила Романова и сохраняла верность его сыну и внукам, включая «остроумного Петра»¹⁹.

Увы! сей самой мя оставил. Сей, по нужде ли, для учреждения флота и торговли и для близкого надзирания производящейся войны, или гнушаяся старых моих обычаев, пренес столицу во вновь построенный во имя его град. Источники слез, яко у вдовицы, потекли из глаз моих, умолки веселые лики в моих стенах, и гусли молчащие на сухих деревьях повешены зрились. <...> С того же времени и до ныне лишилася я

¹⁷ Сочинения Карамзина. СПб., 1848. Т. III. С. 3. Так читается во всех прижизненных изданиях, начиная с первой публикации в «Московском журнале» (1792. Ч. VI. С. 242), за исключением «Сочинений» 1814 г. (М., 1814. Т. 6. С. 5), где вместо «Литовцы» – «Поляки».

¹⁸ Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные. Ч. V. <М., 1798?>. С. 193.

¹⁹ Сочинения князя М.М. Щербатова. СПб., 1898. Т. 2. Стлб. 55–57.

удовольствия зреть пребывающих Монархов в стенах моих²⁰.

Единственным исключением является Петр II, «внук Петра Великого» (и Евдокии Лопухиной):

Утешились очи мои видением младого Государя, возобновилась надежда в сердце моем, видя его паки любящего праотческий град. Но яко тень проходит, тако прошло счастье мое; и сей младый Государь, подобно разцветшей лилии, пал под острием смертных косы²¹.

Можно, таким образом, предположить, что формула «Москва – вдова», которая в подцензурных текстах применялась для обозначения ситуаций безцарствия /безначалия (имевших место и в далекой старине, и в 1812 г.²²), восходит к антипетербургскому пласту культурной традиции, где она подразумевала измену монарха своей законной жене-городу. Вопрос о том, насколько эта коннотация окрашивает пушкинский катрен, кажется актуальным ввиду следующих черновых стихов (V: 439–440)²³:

И ты, любовь страны родной<,>	И ты, Москва, страны родной
Москва сияющая златом<,>	Глава, сияющая златом<,>
Поникла ты пред младшим братом	И ты уже пред младшим братом
И помрачила	Поникла в зависти немой.

Заметим попутно, что уже в приведенных вариантах наметилось колебание между двумя метафорическими рядами; первый использует предикаты, передающие угасание воли (*поникла, склонилась*), второй – угасание света (*помрачила, померкла*). Оба эти ряда, иллюстрирующие бедственное состояние Москвы, были хорошо усвоены поэтической практикой XVIII в. Ср., например, у Хераскова в «Россиаде» (песнь первая):

Уныл престольный град, Москва главу склонила,

²⁰ Там же. Стлб. 58–59.

²¹ Там же.

²² См., например, поэму М. Аврамова «Москва оплакивающая бедствия свои, нанесенные ей в 1812 году рукою жестокого и злочистиваго врага, и вместе утешающая страждущих сынов своих» (М., 1813); отмечено в кн.: Kahn A. Pushkin's The Bronze Horseman. Bristol, 1998. P. 47.

²³ Более удобно поданный текст черновика см.: Пушкин А.С. Медный всадник /Изд. подготовил Н.В. Измайлов. Л., 1978, С. 30. (Лит. памятники.)

Печаль ее лицо, как ночь приосенила,²⁴ –

и в «Освобожденной Москве» (действ. I, явл. 1, начальный монолог князя Руксалона):

На храмах видимы потусклые главы,
Изображающи уныние Москвы.²⁵

Но едва ли не самый яркий пример метафоры из второго ряда, которому отдано предпочтение в окончательном тексте стиха 40 МВ, дает реплика инициального персонажа «Дмитрия Самозанца» Сумарокова (действ. III, явл. 5):

Я слышу таковы не редко женски басни:
Сияй Москва, или хотя на век угасни...²⁶

---

²⁴ Творения М. Хераскова. М., 1796. Ч. I. С.7.

²⁵ Там же. Ч. V. <М., 1798?> С. 170.

²⁶ Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе <...> Александра Петровича Сумарокова /Собраны и изданы <...> Николаем Новиковым... М., 1781. Ч. IV. С. 101.

SLAVICA HELSINGIENSIA

31

VARIETAS ET CONCORDIA

Essays in Honour of
Professor Pekka Pesonen
On the Occasion of His 60th Birthday

Editors
Ben Hellman, Tomi Huttunen, Gennady Obatnin

Helsinki 2007